

Р. С. Бугаев

КОНСТРУИРОВАНИЕ «ГОРОДА-ЛЕСА» НОВОСИБИРСКОГО АКАДЕМГОРОДКА ЭКСПЕРТНЫМИ СООБЩЕСТВАМИ (1957–1959 гг.)*

doi: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-106-114

УДК 94(571.14)“1957/1959”:911.375 ББК 63.3(253.3)632

Статья посвящена анализу проекта Новосибирского Академгородка и его взаимоотношениям с окружающей средой. Традиция погружения научных городов в лесные массивы восходит еще к 1930-м гг., однако в 1950-е гг. она переосмысливается и становится частью благоустройства поселений ученых, где создавался повышенный уровень обеспечения потребительскими благами, важной частью чего становилось и озеленение. На материалах проектов ГИПРОНИИ и Новосибгорпроекта, а также отчетов Лесозащитной опытной станции (ЛОС ЦСБС СО РАН) показано, что природа концептуализировалась проектировщиками и лесоводами как особого рода инфраструктура. Эти два экспертных сообщества возлагали на лес несколько функций: рекреационную, архитектурную, зонированную и природоукрепляющую. Такой функционал открывал возможность для оценки эффективности разных типов ландшафта. В результате луга, прогалины и бывшие пашни рассматривались как наименее ценные типы территорий, использовавшиеся для застройки и засаживания деревьями. Существующие леса не всегда отвечали требованиям экспертов и нуждались в улучшениях для того, чтобы выполнять возложенные на них функции. В итоге включение одновременно продуктивистского и природоохранного дискурсов создавало погруженный в зелень «город-лес». Сформированный ЛОС экспертный дискурс предполагал, что проводившиеся изменения окружающей среды являлись частью программы сохранения естественных лесов. Заложённая лесоводами амбивалентность дикой природы и городской инфраструктуры стала одним из факторов, повлиявших на переосмысление концепции природы в Новосибирском Академгородке и процесс развития экологических идей в Советском Союзе.

Ключевые слова: *урбанистика, история окружающей среды, Новосибирский Академгородок, озеленение городов, город-сад*

Введение

С 1930–1940-х гг. в США и СССР стали создаваться специализированные закрытые поселения ученых, перед которыми ставили конкретную исследовательскую задачу, направленную на реализацию проектов военно-промышленного комплекса. Наибольшее распространение такие города получили при разработке атомного оружия, сначала в США, а затем и в СССР. Американская исследовательница К. Браун, анализируя процесс реализации американского и советского атомных проектов, характеризует созданные таким образом поселения как «Плутонии» — сообщества, в которых жители,

отказываясь от политических и гражданских свобод, работая на вредных для здоровья производствах, получали за это повышенный уровень снабжения потребительскими благами.¹

Во многих советских научных городах, создававшихся в тот период, выстраивались очень тесные отношения с окружающей средой. Одним из первых советских научных поселений стал город Жуковский, созданный в 1935 г. и специализировавшийся на проблемах авиастроения. Исследователь Г. И. Ревзин отмечает, что лес в городской среде Жуковского первоначально выполнял охранную функцию, скрывая город учёных от глаз посторонних и шпионов и делая его менее заметным с воздуха. Затем, как пишет автор, городская зелень наследовалась другими наукоградами как традиция без какого-либо дополнительного осмысления, и по этой причине автор считает ее появление в городской среде более поздних открытых научных городов случайностью.²

Бугаев Роман Сергеевич — лаборант-исследователь «Лаборатории междисциплинарных исследований пространства» Школы исследований окружающей среды и общества (Антропощкола), Тюменский государственный университет (г. Тюмень)
E-mail: rbugaev@eu.spb.ru

* Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири» и гранта Президента РФ № МК-862.2022.2 «Пространства природы и науки сибирских академгородков: модели и перспективы (вторая половина XX — XXI вв.)»

¹ См.: Brown K. Plutopia: nuclear families, atomic cities, and the great Soviet and American plutonium disasters. New York, 2015. P. 3–9.

² См.: Ревзин Г. И. Наукограды в России: вопросы генезиса // Labyrinth. Теории и практики культуры. 2020. № 4. С. 38.

Однако А. С. Касаткина на примере Обнинска демонстрирует, что уже в конце 1940-х гг. озеленение прилегающих территорий играло большую роль в жизни атомного города. Так, население использовало территорию лесной защитной зоны вокруг АЭС для устройства садов и удовлетворения потребностей в плодах и ягодах. На территории этой лесополосы было запрещено строительство и по проекту создавались насаждения в целях изоляции жилой зоны от вредного воздействия радиации.³ Более того, в конце 1950-х гг. озеленение и создание «городов-садов» становится общесоветской градостроительной тенденцией. Однако, как отмечают Г. А. Орлова и А. С. Касаткина, именно в подобных научных городках их сообществами особо ощущалась потребность в большом количестве деревьев, а при выборе места для новых городов науки эстетический фактор играл одну из ключевых ролей.⁴

В историографии Новосибирского Академгородка тема связи научного центра с окружающей его средой разработана еще в малой степени.⁵ Важной работой по данной теме является коллективное издание под редакцией И. Ф. Жимулёва. Оно написано не профессиональными историками, однако несколько статей в нем посвящены общей характеристике озеленения города науки, где ключевую роль играла «диффузная» застройка с сохранением окружающих строительные площадки деревьев.⁶

Новосибирский историк И. С. Кузнецов частично затронул тему окружающей среды в монографии «Строительство Академгородка». В заключение седьмой главы автор определяет два ключевых вопроса для дальнейших исследований темы: 1) существовала ли целостная экологическая концепция в Новосибирском

Академгородке или усилия по сохранению природной среды Академгородка определялись преимущественно прагматическими факторами (стремлением к созданию максимально комфортных условий проживания)? 2) Каково было соотношение между участием руководства и общественной инициативой в вопросе охраны природы в научном городке? Отвечая на второй вопрос, автор утверждает, что в большинстве своем ключевую роль играла организация «сверху».⁷

Важные вехи в вопросе связи городской и окружающей среды в процессе строительства Новосибирского Академгородка, а также природоохранная дискуссия вокруг Байкальского целлюлозно-бумажного завода рассмотрены в нашей коллективной статье.⁸ Главным ее тезисом явилось то, что в 1950–1970-х гг. в СО АН СССР происходили трансформации представлений о природе от продуктивистских к экологическим и то, что природа воспринималась как социотехническое воображаемое.

В этой статье предпринята попытка обозначить специфику создания «города-леса»⁹ в Новосибирском Академгородке. Наше внимание будет сосредоточено на взгляде на природу, который формировался у профессиональных групп архитекторов, лесоводов, ландшафтных инженеров, выступавших в роли экспертов при строительстве и во многом определявших отношения с окружающей средой.

Экспертные сообщества и производимое ими знание в Советском Союзе играли значительную роль.¹⁰ Более того, значимость ученых в обществе усиливалась верой в научно-технический прогресс как панацею от всех проблем человечества, которая получила широкое распространение в 1950–1960-е гг.¹¹ По этой причине те научно обоснованные правила, которые формулировали эти экспертные сообщества, начинали регулировать различные сферы жизни.

³ См.: Касаткина А. С. К поэтике и практике современного урбанизма: «город-сад» как технология социальной интеграции в Обнинске 1960-х годов // *Laboratorium*. 2022. № 1. С. 38.

⁴ См.: Орлова Г. А., Касаткина А. С. Путеводитель по закрытому городу ядерщиков // *Arzamas*. 2020. URL: <https://arzamas.academy/materials/2209> (дата обращения: 10.06.2023).

⁵ См.: Кузнецов И. С. Современная историография новосибирского Академгородка // *Вестник НГУ. История, филология*. 2014. Т. 13, № 1. С. 136; Пискунов М. О. «Большая» история Академгородка: историографическое поле и перспективы культуральной истории советских городов науки // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 459. С. 147.

⁶ См.: Жимулёв И. Ф. Новосибирский Академгородок — особый город с диффузной застройкой — город-лес // *Природа Академгородка: 50 лет спустя*. Новосибирск, 2007. С. 4–24; Седельников В. П., Банаев Е. В., Чиндяева Л. Н. ЦСБС и ландшафтная архитектура Новосибирского научного центра // *Там же*. С. 32–40.

⁷ См.: Кузнецов И. С. У истоков Академгородка: Строительство города науки в Сибири (1957–1964). Новосибирск, 2007.

⁸ См.: Bugaev R., Piskunov M., Rakov T. Footpaths of the Late-Soviet Environmental Turn: The “Forest City” of Novosibirsk’s Akademgorodok as a Sociotechnical Imaginary // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2021. Vol. 48, № 3. P. 289–313.

⁹ См.: *Ibid.* P. 306–309.

¹⁰ См.: Власть, которую стали получать ученые, стала одной из причин реформы АН СССР в 1960-е гг. См., напр.: Кузнецов И. С. М. А. Лаврентьев и реформирование Академии наук // *ЭКО*. 2014. Т. 44, № 9. С. 153–168.

¹¹ См.: О техноутопическом дискурсе периода оттепели и ключевой роли науки в обществе см.: Фокин А. А. «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. М., 2017. С. 33–40; Касп И. В союзе с утопией. Смысловые рубежи позднесоветской культуры. М., 2018.

Важно отметить, что научные городки были местами воплощения передовых идей градостроительства и организации жизни, в результате чего они становились локальными воплощениями коммунизма,¹² являясь как бы реализацией утопических идей. В результате города науки превращались в своего рода фронт в вопросах взаимодействия городской и окружающей среды. Это приобретало особую актуальность в Сибири, где природа в хрущевский период рассматривалась как один из важных ресурсов, а тайга — как часть символически важного пространства, обозначающего с одной стороны героизм тех, кто осваивал ее, а с другой идеализацию диких просторов с чистым воздухом и бескрайними лесами.¹³

Для анализа тех взглядов, которые будут рассмотрены ниже, я буду использовать понятие *arrangement*, предложенное в *urban-environmental studies* для обозначения различного рода природно-городских объектов. Термин можно перевести одновременно как «устройство» и как «пространство».¹⁴ Вдохновляясь этой концептуализацией, я предлагаю понятие «социоприродной инфраструктуры», которое позволяет взглянуть на различного рода природные пространства в городской среде Новосибирского Академгородка как на особого рода места, специально организованные для выполнения ряда урбанистических функций.

Окружающая среда в проектах Академгородка как инфраструктура

18 мая 1957 г. Президиум ЦК КПСС издал постановление «О создании Сибирского отделения Академии наук СССР», с которого начался процесс организации Новосибирского Академгородка. Уже 24–26 мая в окрестностях Новосибирска провела работу комиссия, специально созданная для выбора места под будущий город науки во главе с академиками М. А. Лаврентьевым и С. А. Христиановичем. В результате была выбрана площадка недалеко от ж/д станции Сеятель. По результатам работы комиссии был составлен акт, одной из важных частей которого было описание территории, где будет расположен научный центр: «размещается на землях Гослесфонда и колхоза им. Свердлова... В основном площадка

покрыта смешанным лесом, частично располагается на пахотных землях колхоза».¹⁵ Этот момент являлся особенно значимым в связи с тем, что выводы комиссии, где даны дальнейшие рекомендации, начинались с пункта, посвященного охране деревьев: «1. При строительстве научного городка, необходимо максимально сохранять естественную зелень».¹⁶ Одна из причин подобного решения была указана в самом тексте акта, где отмечалось, что грунты площадки на месте строительства заовражены и легко поддаются размыву, в связи с чем сохранение растительности напрямую связано с возможностью строительства научного центра.

Разработкой генерального плана Академгородка занимались две организации. Первая — ГИПРОНИИ, которая специализировалась на проектировании зданий для АН СССР и в разработке генерального плана Академгородка отвечала за планирование зоны научно-исследовательских институтов и зданий для них.¹⁷ Вторая — это местная городская проектная организация Новосибиргорпроект (позже отделившийся от него Сибкадемпроект), занимавшаяся проектированием жилых домов, культурно-бытовых объектов, коммуникацией, но прежде всего подготовившая генеральный план Новосибирского Академгородка. Помимо них, во всем процессе проектирования научного центра принимали участие более двух десятков различных организаций: коммуникационных, электроэнергетических и др.¹⁸ С 1959 г. к созданию генплана подключился Ленгипрострой — архитектурное бюро министерства среднего машиностроения (Минсредмаш), которое отвечало за проектирование атомных городов. В течение 1959 г. в Академии архитектуры и строительства СССР шло обсуждение нескольких вариантов генерального плана Новосибирского Академгородка, представленных Минсредмашем и Новосибиргорпроект. В ходе обсуждений критике подвергались оба проекта. Проект Ленгипростроя был плох «формализмом симметрии» и «геометризмом» из-за отсутствия внимания к существующему рельефу, а при проектировании жилых районов его авторы не учитывали существующие лесные массивы. Генплан же

¹² См.: Фокин А. Указ. соч. С. 143.

¹³ См.: Рожанский М. Я. «Оттепель» на сибирском морозе // Отечественные записки. 2012. № 5 (50). С. 184–206.

¹⁴ См.: Naumann S. Materiality and Practice Theory // Concepts of Urban-Environmental History. Bielefeld, 2020. P. 57.

¹⁵ НАСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 2. Л. 1.

¹⁶ Там же. Л. 2.

¹⁷ См.: Новосибирский научный центр. Новосибирск, 1962. С. 30.

¹⁸ См.: Кузнецов И. С. Рождение Академгородка. 1957–1964. Документальная летопись. Новосибирск, 2006.

Новосибгорпроект страдал тем, что составители излишне увлекались идеей «свободной планировки», превращая ее в «фетиш». Результатом обсуждения комиссии стал генплан, сочетающий элементы жесткой структуры и принципы адаптации к окружающей среде. Таким образом, при проектировании Новосибирского Академгородка, который позиционировался как «образцовое и передовое решение советского градостроительства», Новосибиргорпроект с ГИПРОНИИ смогли внести новизну в организацию городов науки, находившуюся ранее сугубо в руках атомного министерства.¹⁹

По проекту, составленному ГИПРОНИИ и Новосибиргорпроект к 1957 г., Академгородок должен был стать городом на несколько десятков тысяч человек. Его территорию предполагалось окружить с четырех сторон лесопарками. Важным элементом окружающей среды должен был стать также предполагаемый неподалеку от городка пляж, который планировали создать на берегу Обского водохранилища, появившегося в 1956 г. в результате строительства Новосибирской ГЭС. Территория Академгородка делилась на микрорайоны, каждый из которых должен был обладать всем необходимым комплексом общественных сооружений и собственным внутриквартальным парком. Обобщая различные обсуждения проекта научного центра, выделим следующие функции, которые присваивались лесу в городском пространстве:

1. Рекреационная функция, которая выражалась в обеспечении близости жителей Академгородка к природе. Так, авторы проектов отмечали особенности места строительства: «прекрасные природные условия площадки, расположения научного городка в живописной местности, среди полей и леса на здоровой сухой территории, на берегу водохранилища создают благоприятные условия для плодотворной работы и эффективного хорошего отдыха».²⁰

Расположение города ученых в живописном месте стала характерной чертой научных городов к концу 1950-х гг. (например, при облагораживании Обнинска²¹ или при выборе места для научного города Пушино²²). Чистый воздух, минимизация шума от авто-

мобилей, наличие леса внутри городка — все это организовывалось для создания ученым максимально комфортных условий. Как новый социалистический город, Новосибирский Академгородок отвечал требованиям создания «городов-садов», которые стали частью политики Н. С. Хрущева и были связаны с идеей массового потребления, вышедшей на первый план с конца 1950-х гг.²³ Однако ученые, как привилегированная социальная группа, претендовали на более высокий уровень жизни, тем более что организаторы Академгородка М. А. Лаврентьев и С. А. Христианович работали в закрытых городах подобных «Плутониям». В свою очередь, возможность ученых наиболее эффективно проводить досуг обосновывалась их дальнейшей более продуктивной работой на благо государства.

2. Архитектурная или эстетическая функция, которая предполагала, что окружающая среда является наилучшим средством для украшения новых социалистических городов. Внимание природе уделялось не только при выборе живописного места под Академгородок, но и при дальнейшей застройке города. Под влиянием постановления об отказе от архитектурных излишеств 1955 г. и закрепления курса на озеленение, окружающая среда стала ключевым средством украшения новых городов и пространством самовыражения архитекторов. ГИПРОНИИ и Новосибиргорпроект нашли в сосновом лесу основу для новой эстетики «города-сада», которой стало сочетание контраста светлых плит облицовки зданий с темными кронами березового и соснового леса, что «обеспечивало общий серьезный и вместе с тем жизнерадостный внешний облик застройки зоны НИИ городка науки».²⁴ Помимо прочего подобный способ украшения города удешевлял стоимость проекта, что играло большую роль в условиях постоянного отставания от плана и нехватки ресурсов при строительстве Новосибирского Академгородка.²⁵

3. Зонирующе-гигиеническая или организационная функция, которая предполагала создание такого урбанистического пространства, где лесополосы, дорожки, газоны, изгороди и другие элементы благоустройства будут организовывать городскую среду, объединяя и деля ее на разные территории. В итоге выделялось четыре зоны: основная

¹⁹ НАСО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 102.

²⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 4. Д. 14. Л. 52.

²¹ См.: Орлова Г. А., Касаткина А. С. Указ. соч.

²² См.: Доморацкий В. П. У истоков Пушинского научного центра // Пушино-солнечный остров: альманах. Пушино; М., 2009. С. 95.

²³ См.: Касаткина А. С. Указ. соч. С. 37.

²⁴ НАСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 14. Л. 73.

²⁵ См.: Кузнецов И. С. У истоков Академгородка...

селитебная, институтская, коммунально-складская и селитебная зона для строителей. Зеленые полосы в несколько сотен метров между этими зонами работали на предотвращение вредного влияния: вибрации, шума и воздействия радиации,²⁶ что подчеркивало преемственность Академгородка с атомоградами. Важную роль также играло расположение зон относительно друг друга. Так, например, институтская зона должна была находиться с подветренной стороны относительно Обского моря, чтобы ветра уносили вредные выбросы подальше от жилой зоны.²⁷

4. Природоукрепляющая или защитная функция, которая была направлена на сохранение территории Новосибирского Академгородка в стабильном состоянии. С одной стороны, в рамках нее предполагалось ограничить территорию Академгородка от внешнего воздействия. Этой цели служил сохраненный лесной массив со стороны ГЭС шириной от 600 м до 1200 м, который защищал научный центр от господствующих юго-западных ветров, идущих с Обского моря, снежных заносов, шума и пыли транзитных магистралей.²⁸ Более того, лес должен был взять в кольцо почти всю жилую зону, защищая ее от внешнего воздействия и параллельно с созданием рекреационных пространств изолировать жителей в рамках островка благополучия с «максимальными удобствами и наилучшими санитарно-техническими условиями»²⁹ от глаз посторонних. Маскировочная функция лесов уже не играла той роли, как в атомоградах, так как научный центр создавался открытым. Тем не менее леса обеспечивали некоторую степень закрытости научного центра от внешнего мира, как минимум символическую.

С другой стороны, предполагались меры по укреплению почв территории Академгородка. Такая необходимость обосновывалась в том числе опытом Новосибирска, где под оврагами из-за отсутствия контроля было занято 3 тыс. га земли, которые «нарушают целостность территории и вносят дезорганизацию в план города».³⁰ По этой причине акцентировалось внимание на создании повсеместной системы ливнёвок, а территории вне застройки предполагалось «заложить травами с богатой

мочками корневой системой, во избежание эрозии почвенного покрова».³¹ Таким образом, предполагалось сохранять не только лесонасаждения, но и почвы, как важную часть городка, защищающую его от образования оврагов, разрывающих городскую ткань. Уже в генеральных планах за зелёными пространствами закреплялся разнообразный набор функций, что позволяет говорить о лесах Новосибирского Академгородка как об особом рода инфраструктуре, выполняющей возложенные на нее в рамках строительства города науки задачи.

Полезность природы

Одновременно с проектированием Новосибирского Академгородка начались и первые работы по строительству временного жилья, прокладке дорог, подводу коммуникаций и другие этапы нулевого цикла строительства. В связи с этим уже в октябре–ноябре 1957 г. произошло самое важное событие с точки зрения организации зеленых пространств научного центра — была создана Лесозащитная опытная станция (ЛОС) при ЦСБС СО АН СССР,³² в обязанности которой входила, с одной стороны, защита существующего леса от различного рода вредных воздействий (от повреждения деревьев при строительстве до пожаров), а с другой — последующее озеленение территорий. Эта институция уже с самого начала активно участвовала в организации лесной части городской среды, о чем можно судить по ее отчетам за 1958–1959 гг.

Взгляды проектировщиков города науки и работников ЛОС опирались на продуктивистскую систему ценностей, в рамках которой природа воспринималась как бескрайняя стихия, которую следовало покорять.³³ В этом дискурсе сибирские просторы воспринимались как мертвые и пустые, куда жизнь мог принести лишь советский труд, однако этот процесс оживления природы должен был реализовываться по-хозяйски бережно, а не как в капиталистических странах, где природа хищнически разрушалась.³⁴ Восприятие леса как «инфраструктуры» отлично сочеталось с этими представлениями: природа в равной степени должна была отвечать требованиям созда-

²⁶ НАСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 14. Л. 55.

²⁷ Там же. Л. 57.

²⁸ Там же. Д. 15. Л. 33.

²⁹ Там же. Л. 37.

³⁰ Там же. Оп. 1. Д. 19. Л. 36.

³¹ Там же. Оп. 4. Д. 14. Л. 63.

³² Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 233а. Л. 2.

³³ О трансформациях отношения к природе см.: Weiner D. R. A little corner of freedom: Russian nature protection from Stalin to Gorbachëv. Berkeley, 1999.

³⁴ См.: Bugaev R., Piskunov M., Rakov T. Op. cit. P. 306–309.

ния утопического города ученых и выполнять те функции, которыми наделяли ее люди.

В процессе создания планов городской среды проектировщики и работники ЛОС воспринимали нелесные типы ландшафта как пустые. По этой причине именно на полянах и прогалинах предполагалось разместить новые постройки: считалось, что этим не разрушалась существующая окружающая среда. Восприятие леса как символа и фактически синонима природы характерно для европейской культуры в целом.³⁵ Восприятие же других типов ландшафта часто строится на противопоставлении их лесам: так, например, в Германии Люнебургская пустошь воспринималась как место, уничтоженное человеком, хотя такой тип ландшафта там существовал уже несколько тысяч лет.³⁶ Опираясь на продуктивистский советский дискурс, поля и луга на территории Академгородка воспринимались как места, которые обязательно необходимо озеленить.³⁷ То есть такие типы ландшафта не обладали значимостью, в результате чего их предполагалось заменить лесом, который обладал понятной полезностью и выполнял инфраструктурные функции.

В то же самое время лес не обладал абсолютной самоценностью, и ему, как и любой другой «инфраструктуре», было отведено определенное место в городской среде. По этой причине часть лесов на территории будущего Новосибирского Академгородка было необходимо вырубить, несмотря на постоянные заявления о соблюдении принципа адаптации к ландшафту и сохранения каждого возможного дерева. Для смягчения этого шага в проектах прописывалось, что часть вырубки приходится на наименее ценные деревья, незначимые для социо-природной инфраструктуры.³⁸ К такому работники ЛОС относили осины, которые составляли 13 % лесов Академгородка, и березы, располагавшиеся на колхозных землях.³⁹ Это позволяет нам говорить о том, что не все виды деревьев являлись равно важными для озеленителей, и приводит нас к одному из наиболее интересных вопросов, связанных с лесным делом в Академгородке. Как в генпланах,

так и в риторике ЛОС ключевым по отношению к лесам стал вопрос того, насколько они выполняют рекреационную, эстетическую, зоннирующую или природоукрепляющую функции. Соответственно, лес воспринимался как «инфраструктура», которая может быть оценена в категориях эффективности. Включение продуктивистской категории эффективности далее открывало возможность говорить об улучшении природы с помощью человеческого труда, чтобы та лучше могла выполнять возложенные на нее в городской среде задачи.

Для того чтобы сделать леса более эффективными, работники ЛОС обращались к опыту Бердского лесхоза, сформулировав свою основную задачу при введении новых видов (интродукции) как «создание высокопроизводительных и устойчивых лесных культур».⁴⁰ Важно, что, с точки зрения ЛОС, такие действия не являются вмешательством в дикую природу. Можно предположить, что они оценивали собственные действия по отбору лучших растений, как в некоторой степени имитацию эволюционного процесса, где выживают самые сильные и красивые растения и формируются наиболее устойчивые соседства растений.⁴¹ Таким образом, улучшению подлежали не только малоэффективные луга и прогалины, которые не отвечали требованиям социоприродной инфраструктуры, но и малоэффективные леса. Этой участи не избегали даже сосновые массивы, которые считались самыми ценными деревьями и ключевыми элементами городской среды Академгородка. Природа должна была отвечать статусу утопического города ученых и быть идеальной, поэтому одной из мер была «по опушкам леса, у дорог и водоемов посадка декоративных деревьев и кустарников»,⁴² то есть естественный лес тоже следовало облагородить со всех сторон, чтобы его неоднородность не бросалась в глаза.

Основным фактором при выборе деревьев было также их соответствие предполагавшемуся функционалу. Так, например, узкокоронные деревья (прежде всего, сосны и березы, которые являются самыми распространенными на территории Академгородка видами) описываются как наиболее привлекательные для лесонасаждений из-за своей устойчивости к бурям и снеголомам, которые периодически происходили на территории Академгородка

³⁵ Про исследования роли лесов в культуре и концепции «дикости» см. например: Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М., 2014; Watkins C. *Trees, Woods and Forests: A Social and Cultural History*. London, 2014.

³⁶ См.: Радкау Й. Указ. соч. С. 40–49.

³⁷ НАСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 15. Л. 60.

³⁸ Там же. Д. 2. Л. 9.

³⁹ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 202. Л. 20; Ф. 4. Оп. 4. Д. 15. Л. 27.

⁴⁰ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 202. Л. 62.

⁴¹ Там же. Л. 45.

⁴² Там же. Ф. 4. Оп. 4. Д. 15. Л. 42.

под воздействием ветров с Обского водохранилища.⁴³ Полезность таких деревьев в то же время заключалась и в их удобности для декоративных целей при размещении на городских улицах, так как их кроны не разрастались в разные стороны и вписывались в прорисованные проектировщиками планы.

Заключение

Природа в Новосибирском Академгородке являлась частью улучшенного снабжения, аналогичного тому, что было в «Плутопиях», и ставшего характерной чертой советских научных городов в 1950–1960-е гг.⁴⁴ Одновременно с этим происходит важный виток в осмыслении урбанистической среды, так как новой чертой научных центров становится «свободная планировка», изменившая градостроительные концепции Минсредмаша. Рассмотренные в статье подходы архитектурных бюро и лесной станции позволяют нам сделать вывод о восприятии леса как своего рода инфраструктуры, играющей значительную роль при создании «города-леса» Академгородка. Так, на основании четырех обозначенных функций: рекреационной, архитектурной, зоннирующей и природоукрепляющей — определялась полезность того или иного рода ландшафта. Прогалины, луга и пашни по преимуществу рассматривались как наиболее подходящие для застройки, так как их исчезновение нанесет наименьший вред природе, которая ассоциировалась прежде всего с деревьями. Более того, другие типы ландшафта, которые не застраивались, было необходимо довести до достаточного по мнению экспертных сообществ уровня природности. Сами же деревья также ранжировались в соответствии со степенью из эффективности для выполнения задач, которые ставились перед лесом в городе. Так, например, осины и березы с пахотных полей вырубали чаще, чем сосны, которые вы-

соко ценились. Более того, естественные леса необходимо было не просто поддерживать и сохранять, но и улучшать, как и любую другую инфраструктуру. Подобные же изменения в лесах не воспринимались экспертными сообществами как вмешательство в окружающую среду, а вписывались в процесс освоения Сибири и интерпретировались как часть «оживления» природы. Создававшаяся таким образом система конструируемой и управляемой природы напрямую была связана с технооптимизмом и желанием работников ЛОС поставить лес на службу города ученых.

Таким образом, на первых порах создания Новосибирского Академгородка не существовало какой-либо общей концепции по отношению к окружающей среде, а политика охраны природы строилась на основе актуальных проблем. Тем не менее ЛОС, как экспертное сообщество, начинала формировать такую концепцию, так как определяла то, какая «дикая» природа должна присутствовать в научном городе. Лесоводы, занявшие одну из ключевых позиций в регулировании городской среды «города-леса» уже в 1957–1959 гг., заложили дихотомию дикой природы и городской инфраструктуры в лесе Новосибирского Академгородка. Они старались вписать зеленые пространства, репрезентируемые как исконная тайга, в утопический проект города науки. Именно синтез продуктивистской концепции отношения к природе и природоохранной политики, которые формулировались в тот момент, стали основой дальнейшей трансформации представлений об охране природы. Это позволяет сделать предположение, что такая двойность лесов стала одной из причин изменения отношения к природе в Новосибирском Академгородке,⁴⁵ и вписать это явление в процесс формирования экологических идей в Советском Союзе во второй половине XX в.

Roman S. Bugaev

Research Assistant, Tyumen State University (Russia, Tyumen)

E-mail: rbugaev@eu.spb.ru

⁴³ Там же. Л. 29; Ф. 6. Оп. 1. Д. 202. Л. 90–95.

⁴⁴ См.: Rogacheva M. A. The private world of Soviet scientists from Stalin to Gorbachev. Cambridge, 2017.

⁴⁵ О связи развития экологических идей в СССР с Новосибирским Академгородком см.: Bugaev R., Piskunov M., Rakov T. Op. cit. P. 312, 313.

CONSTRUCTING THE “FOREST-CITY” OF NOVOSIBIRSK AKADEMGORODOK
BY THE EXPERT COMMUNITIES (1957–1959)

The article is devoted to the analysis of the Novosibirsk Akademgorodok project and its relationship with the environment. The tradition of immersing scientific cities in forests dates back to the 1930s, but it was rethought in the 1950s and became part of the improvement of scientists' settlements, which had to provide an increased standard of living, including landscaping. Based on the materials of the projects of GIPRONII (the main projecting, scientific and research institute of the USSR Science Academy) and Novosibgorproekt (the Novosibirsk city architectural bureau), as well as the reports of the Forest-Protection Experimental Station (Lesozashchitnaia opytnaia stantsiia, LOS), it is shown that nature was conceptualized by projectors and foresters as a special kind of arrangement (infrastructure). These two expert communities assigned several functions to the forest: recreational, architectural, zoning and nature-strengthening. The functionality fixed in this way made it possible to evaluate the effectiveness of different types of landscape. As a result, meadows, clearings, and former arable lands were considered as the least valuable types of territories used for building and planting trees. However, the existing forests did not always meet the requirements of experts and required improvements to fulfill the tasks assigned to them. As a result, the use of both productivist and environmental discourses created a “forest city” immersed in greenery. The expert discourse formed by the LOS considered the environmental changes as part of the conservation of natural forests. The ambivalence of wildlife and urban infrastructure laid down by foresters became one of the factors that influenced the rethinking of the concept of nature in Novosibirsk Akademgorodok and the development of environmental ideas in the Soviet Union.

Keywords: *urban studies, environmental history, Novosibirsk Akademgorodok, greening of cities, garden city*

REFERENCES

- Brown K. *Plutopia: Nuclear Families, Atomic Cities, and the Great Soviet and American Plutonium Disasters*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2015. (in English).
- Bugaev R., Piskunov M., Rakov T. Footpaths of the Late-Soviet Environmental Turn: The “Forest City” of Novosibirsk’s Akademgorodok as a Sociotechnical Imaginary. *The Soviet and Post-Soviet Review*, 2021, vol. 48, no. 3, pp. 289–313. DOI: 10.30965/18763324-bja10043 (in English).
- Fokin A. A. “Kommunizm ne za gorami”: obrazy budushchego u vlasti i naseleniya SSSR na rubezhe 1950–1960-kh godov [“Communism is Not Far Away”: Images of the Future in Power and the Population of the USSR at the Turn of the 1950s–1960s]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2017. (in Russ.).
- Haumann S. Materiality and Practice Theory. *Concepts of Urban-Environmental History*. Bielefeld: Transcript Verlag, 2020, pp. 51–64. DOI: 10.14361/9783839443750-004 (in English).
- Kasatkina A. [Poetics and Practice of Modern Urbanism: “Garden City” as a Technology of Social Integration in Obninsk in the 1960s]. *Laboratorium: Zhurnal sotsial’nykh issledovaniy* [Laboratorium: Russian Review of Social Research], 2022, no. 1, pp. 30–59. DOI: 10.25285/2078-1938-2022-14-1-30-59 (in Russ.).
- Kaspe I. M. *V soyuze s utopiyey: smyslovyye rubezhi pozdnesovetskoy kul’tury* [In Alliance with Utopia: Semantic Boundaries of Late Soviet Culture]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2018. (in Russ.).
- Kuznetsov I. S. [M. A. Lavrentiev and Reforming the Academy of Sciences]. *Vserossiyskiy ekonomicheskii zhurnal EKO* [The All-Russian ECO Journal], 2014, vol. 44, no. 9, pp. 153–168. (in Russ.).
- Kuznetsov I. S. [Modern Historiography of Novosibirsk Akademgorodok]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology], 2014, vol. 13, no. 1, pp. 130–140. (in Russ.).
- Kuznetsov I. S. *U istokov Akademgorodka: stroitel’stvo Goroda nauki v Sibiri, (1957–1964)* [At the Origins of Akademgorodok: Construction of the City of Science in Siberia, (1957–1964)]. Novosibirsk: Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2007. (in Russ.).
- Novosibirskiy nauchnyy tsentr* [Novosibirsk Scientific Center]. Novosibirsk: Izd-vo Sib. otd-niya AN SSSR Publ., 1962. (in Russ.).
- Orlova G., Kasatkina A. [Guide to the Closed City of Nuclear Scientists]. *Arzamas*. 2020. Available at: <https://arzamas.academy/materials/2209> (accessed: 10.06.2023). (in Russ.).

Piskunov M. O. [Akademgorodok's "Big" History: Soviet Science Cities Historiography and Perspectives for Cultural History]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2020, no. 459, pp. 140–147. DOI: 10.17223/15617793/459/18 (in Russ.).

Radkau J. *Priroda i vlast': vsemirnaya istoriya okruzhayushchey sredy* [Nature and Power: World History of the Environment]. Moscow: ID Vysshey shkoly ekonomiki Publ., 2014. (in Russ.).

Revzin G. I. [Science Cities in Russia: Genesis Issues]. *Labyrinth. Teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth. Theories and Practices of Culture], 2020, no. 4, pp. 23–42. (in Russ.).

Rogacheva M. A. *The Private World of Soviet Scientists from Stalin to Gorbachëv*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. (in English).

Rozhansky M. Ya. [A "Thaw" in the Siberian Frost: An Oral History of Shock-Work Construction Projects]. *Otechestvennye Zapiski* [Domestic Notes], 2012, no. 5 (50), pp. 184–206. (in Russ.).

Sedel'nikov V. P., Banaev E. V., Chindyayeva L. N. [CSBG and Landscape Architecture of the Novosibirsk Scientific Center]. *Priroda Akademgorodka: 50 let spustya* [Nature of Akademgorodok: 50 Years Later]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN Publ., 2007, pp. 32–40. (in Russ.).

Watkins C. *Trees, Woods and Forests: A Social and Cultural History*. London: Reaktion Books, 2014. (in English).

Weiner D. R. *A Little Corner of Freedom: Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachëv*. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1999. (in English).

Zhimulev I. F. [Novosibirsk Akademgorodok is a Special City with Diffuse Development — A City-Forest]. *Priroda Akademgorodka: 50 let spustya* [Nature of Akademgorodok: 50 Years Later]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN Publ., 2007, pp. 4–24. (in Russ.).

Для цитирования: Бугаев Р. С. Конструирование «города-леса» Новосибирского Академгородка экспертными сообществами (1957–1959 гг.) // Уральский исторический вестник. 2023. № 4 (81). С. 106–114. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-106-114.

For citation: Bugaev R. S. Constructing the "Forest-City" of Novosibirsk Akademgorodok by the Expert Communities (1957–1959) // Ural Historical Journal, 2023, no. 4(81), pp. 106–114. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-106-114.